

САКРАЛЬНОЕ

Понятие сакрального. Сакральное (от лат. *sacrum* – священное) – все то, что относится к культу, поклонению особо ценным идеалам. Сакраментальное – освященное, святое, заветное. Сакральное противостоит светскому, профанному, мирскому. То, что признано святыней, подлежит безусловному и трепетному почитанию и охраняется с особой тщательностью всеми возможными средствами. Священное – тождество веры, надежды и любви, его «органом» служит человеческое сердце. Сохранение священного отношения к предмету культа в первую очередь обеспечивается совестью верующего, который ценит святыню больше собственной жизни. Поэтому при угрозе осквернения святыни истинный верующий встает на ее защиту без особых раздумий и внешнего принуждения; подчас он может ради этого жертвовать своей жизнью. Сакральное в теологии означает подчиненное Богу.

Понятие сакрального можно сопрягать не только с понятием Бога, но и с понятием природы. Природа обретает для нас огромную ценность, если мы верим, что в ней заключено священное. Православие особо указывает на благодать творения и присутствие в нем Бога: благодать Божья проявлена во всей природе, а не только в хлебе, вине и воде при евхаристии. Искуплению и спасению подлежат как человеческие души, так и все творение. «Религиозное чувство возвышенного, – говорил У. Джеймс, – это то особое содрогание, какое мы испытываем в ночную пору в лесу или в горном ущелье; только в данном случае оно порождается мыслью о присутствии сверхъестественного»¹. Сакральное проявляется через благочестивое поведение людей. *Благочестие* – обусловленность настроения и поступков человека представлением о присутствии или действии всемогущей силы.

Р. Отто о священном. Рудольф Отто (1869–1937), один из основателей феноменологии религии, оригинально описал понятие священного в своей книге «*Das Heilige*» (1917). Священное, по его мнению, есть составная категория и не исчерпывается ра-

¹ Джеймс У. Многообразие религиозного опыта. М., 1993. С. 32.

циональным и моральным моментами. Отто пишет: «Как таковое, священное содержит в себе совершенно своеобразный момент, ускользающий от рационального, а потому оно, как *arretion*, *ineffabile*, само по себе недоступно для *понятийного* постижения»². Сакральное – Совершенно Иное (*Gans Andere*). Оно духовно, совершенно, самодостаточно, вечно, трансцендентно и сверхчувственно. Оно едино, целостно, неделимо, дано нам априорно. Его бытие выше всякого существования. Оно надличностно и табуируется как высшая ценность. Поскольку священное полностью иррационально, невыразимо в понятиях и определениях, то остается либо молчать о нем, либо обозначать его такими особыми идеограммами, которые лишь приблизительно информируют нас о соответствующих переживаниях верующего.

Однако в процессе эволюции религии, утверждает Отто, «священное» все же частично рационализируется. «То, что в религии иррациональный момент всегда остается живым и бодрствующим, предохраняет ее от превращения в рационализм. То, что она в полноте хранит рациональный момент, предохраняет религию от падения в фанатизм и мистицизм, помогает ей стать религией культуры и человечности. Наличие обоих этих моментов в здоровой и совершенной гармонии задает масштаб, позволяющий говорить о превосходстве одной религии над другой <...> В соответствии с этим мы говорим о превосходстве христианства над его земными сестрами-религиями. На глубоком иррациональном фундаменте возносятся строения его чистых и ясных понятий, чувств и переживаний»³.

Священное не сводится также к моральному моменту. «У нас вошло в привычку говорить о священном в переносном, а не в изначальном смысле. Мы понимаем его как абсолютный нравственный предикат, как нечто совершенно благое <...> Но такое употребление слова *священное*, доказывает Отто, — нельзя считать строгим. Хотя моральный момент входит в священное, оно включает в себя некий избыток, который и является его отличительной чертой. Более того, слово *священное* и соответствующие ему слова в семитских, латинском, греческом и других древних

² *Otto R.* DAS Heilige. Über das Irrationale in der Idee des Gottlichen und sein Verhältnis zum Rationalen. Gotha, 1927. S 5.

³ *Ibid.* S. 182.

языках означают прежде всего и главным образом именно этот избыток. Они либо вообще не касаются морального момента, либо затрагивают его не изначально и уж никак не сводятся к нему исключительно»⁴.

Нуминозное. Если вычесть из священного рациональный и моральный моменты, то останется тот «избыток», который Отто именует термином «нуминозное» (от лат. *numen* – божество, божественное начало). Религия развивается по своим собственным законам благодаря нуминозному, составляющему ее сущность. Из идеи греховности человека, а также из представления о безусловной трансцендентности и непостижимости божества Отто выводит образ грозного, гневного, ужасного и сверхмощного нуминозного объекта. Этот объект есть тайна, повергающая в трепет (*mysterium tremendum*). Перед величием Бога человек ощущает себя «прахом и пеплом». По словам А. П. Забияко, такое понимание Бога есть теология «страшного Бога»⁵. Вместе с тем, сакральное манит и притягивает к себе человека, обещает ему счастье. Поэтому чувство священного амбивалентно.

Нуминозное чувство есть переживание божественной тайны. Чувство нуминозного уникально, всецело автономно, не выводится ни из какого другого чувства, не способно «развиваться» из другого. «Это – качественно своеобразное, оригинальное, изначальное чувство, причем не во временном, а в принципиальном смысле»⁶. М. А. Пылаев комментирует данный тезис так: во-первых, ощущение нуминозного это исключительное религиозное чувство, во-вторых, нуминозное обозначает некоторую изначальную данность (первую реальность), которая позднее приобретает рассудочно-дискурсивную определенность в названиях священных существ различных религий⁷.

На первичном нуминозном чувстве (*Realitäts-geföhle*) основано «чувство тварности». Отто выделяет в «нуминозном» четы-

⁴ Ibid.

⁵ См.: Забияко А. П. Категория святости. Сравнительное исследование лингво-религиозных традиций. М., 1998. С. 163.

⁶ Ibid, S.61–62.

⁷ См.: Пылаев М. А. Феноменология религии Рудольфа Отто. М., 2000. С. 19.

ре грани: а) чувство тварности (*Kreaturgefühl*), б) тайну, повергающую в трепет (*Mysterium tremendum*), в) восхищение (*Fascinans*), г) безусловную ценность (*Sanctum als numinoser Wert*). Аспект трепетной тайны включает в себя: а) трепет (*Tremendum*), б) величие (*Majestas*), в) энергичность (*Energicum*) и г) тайну (*Mysterium*). Сакральное не поддается человеческому управлению (хотя и учитывается системой власти) и допускает по отношению к себе только поклонение.

Развитие понятия сакрального. Вслед за Отто, Фридрих Шлейермахер (1768–1834) обращает понятие священного в предмет феноменологии религии и раскрывает его, во-первых, как абсолютную объективную реальность, во-вторых, как безусловную святость, проявляющуюся во множестве форм, в-третьих, как прирожденное человеческой душе чувство священного. В книгах Макса Шелера (1874–1928) «Формализм в этике и материальная этика ценностей» (1916) и «О вечном в человеке» (1921) эта концепция получает дальнейшее развитие в духе феноменологии Э. Гуссерля. По Шелеру, божественное по своей природе есть абсолютно сущее и священное; оно в той или иной степени проявляется на всех уровнях природы, человеческой души и общества. Позитивное откровение священного вербально выражается «священным человеком» (*Heiliger*) – различными типами *homines religiosi* (колдуном, магом, провидцем, мудрецом, пророком, законодателем и судьей, царем и героем, священником, спасителем, искупителем, посредником, мессией и, наконец, Богочеловеком). Таким образом, сакральное мироотношение человека можно классифицировать по уровням и степеням. Мирче Элиаде своеобразно углубил подход Отто, Шлейермахера и Вебера, придав особое внимание диалектическому противоречию между сакральным и профанным. Сакральное противопостоит профанному и вместе с тем способно быть источником многообразия земной жизни, проявляться и действовать в мире (иерофания). Священное творит мир в мифологическом времени, а профанное пребывает в историческом времени. По мнению Элиаде, профанное становится – через иерофанию – сакральным, а сакральное иногда десакрализуется и превращается в профанное⁸.

⁸ См.: Элиаде М. Священное и мирское. М., 1994.

Например, протестантизм десакрализовал Священное Предание, церковную иерархию, таинство, мощи, святых.

Концепция Э. Дюркгейма. Помимо теологического понимания сакрального как производного от Бога существует расширительное его философское истолкование. Например, французский социолог-позитивист Эмиль Дюркгейм (1858–1917), защищая идею религии без Бога, применил это понятие для обозначения естественноисторической основы подлинно человеческого бытия, его социальной сущности и противопоставил его понятию индивидуалистического (эгоистического) существования. В отличие от *das Heilige*, которому Отто придал метафизический смысл трансцендентного бытия, *Le Sacre* Дюркгейма, является знаком социального поведения – сакральное создается обществом.

В книге «Элементарные формы религиозной жизни. Тотемическая система в Австралии» (1912) Дюркгейм своеобразно раскрывает специфику социальной функции религии. Он доказывает, что религиозные представления выражают коллективные реальности, а потому авторитетны для индивидов. Согласно гипотезе Дюркгейма, категории всецелости, общества и божественности суть различные аспекты одного и того же понятия «божественное социальное», а религия – идеологический механизм, обеспечивающий солидаризацию людей и целостность общества. Существо религии в сакрализации базовых социальных связей⁹. Когда основные социальные ценности освящены религией, общество имеет возможность стабильно развиваться. Многие современные религиоведы согласны с Дюркгеймом в том, что процедура сакрализации есть отличительный признак всякой религии (пантеистической, теистической и атеистической). Религия начинается там и тогда, где и когда возникает система сакрализации особо ценных идеалов. Тема сакрального в общественной жизни любопытно рассматривалась также Г. Зиммелем, П. Бергером, Т. Лукманом, А. Шюцем, Ж. Бодрийаром, М. Бланшо.

Однако тождественны ли понятия религиозного и священного? На этот вопрос даны два ответа. Как уже сказано, Э. Дюркгейм искал в сакральном специфическую сущность религии. Критически анализируя его идею, А. Б. Гофман утверждает, что по-

⁹ См.: Durkheim E. Les formes e elementaries de la vie religieuse. P., 1960.

нятие религиозного значительно уже по объему, чем понятие сакрального¹⁰. А. В. Медведев присоединяется к точке зрения Гофмана. Рассматривая сакральное как атрибут всякой культуры, он пишет: «Культура, выражающая сущность социального, а не природного бытия, оказывается священной, а священность – имманентное свойство культуры, ее изначальное качество»¹¹. С. М. Шалютин тоже считает, что «как теистическая, так и атеистическая вера могут сакрализовать системы гуманистических ценностей, что обуславливает возможность диалога между представителями светской и религиозной аксиологической мысли»¹².

Символом сакрализации выступает освящение, то есть такая церемония, в результате которой обыденная мирская процедура обретает трансцендентный смысл. Посвящение – возведение лица посредством установленного таинства или церковного обряда в ту или иную степень духовного служения. Священник – лицо, состоящее при храме и совершающее все таинства, кроме священства. Духовенство наделено особой благодатью – священством. Это таинство совершается с произнесением особых заклинаний и возложением рук епископа на посвящаемого. Тем самым последнему передается особая харизма, превращающая его в дьякона, священника или епископа. Таинство священства сложилось в процессе разделения христианских общин на клир и мирян; появившееся сословие духовенства было наделено функцией посредничества между рядовыми верующими и Богом. Святотатство – имущественное посягательство, направленное на священные и освященные предметы и принадлежности храма, а также оскорбление религиозного чувства верующих; в более широком смысле оно означает покушение на святыню.

Высшая степень сакрального отношения – святость, то есть праведность, благочестие, богоугодность, проникание деятельной любовью к абсолюту и освобождение себя от импульсов себялюбия. Всякая религиозность сопряжена с сакрализацией, но не каждый верующий на практике способен стать святым. Святых не-

¹⁰ См.: Гофман А. Б. Религия в философско-социологической концепции Э. Дюркгейма // Социологические исследования. 1975. № 4. С. 182–183.

¹¹ Медведев А. В. Сакральное как причастность к абсолютному. Екатеринбург, 1999. С. 40.

¹² Шалютин С. М. Проблема сакрализации ценностно-нормативных систем // Религия, человек, общество. Ч. 1. Курган, 1998. С. 127.

много, их пример служит ориентиром для обычных людей. Степени сакрального отношения: фанатизм, умеренность, индифферентизм. С понятием святого человека связывают понятие харизмы. Харизма – наделенность какого-либо лица, действия, института или символа свойствами исключительности, непогрешимости или святости в глазах некоторого круга приверженцев или последователей. Харизматическим лидером может быть лицо (пророк, проповедник или политический деятель), обладающее среди людей высочайшим авторитетом, мудростью, святостью и способное очаровывать всех и совершать героические поступки. Термин *харизма* был впервые употреблен в социологических концепциях Э. Трёльча и М. Вебера. Социоцентрические религии заимствовали представление о харизме. Сегодня харизматиком могут назвать особо выдающегося писателя, художника, философа, политика и т. д.

Церковь и государство вырабатывают сложную и тонкую систему защиты и трансляции священного отношения людей к базовым идеалам сложившейся культуры. Трансляция осуществляется согласованными между собой методами и средствами всех форм общественной жизни. Среди них – жесткие нормы права и мягкие приемы искусства. Индивид с пеленок и до гробовой доски погружен в генерируемую семьей, родом, племенем и государством систему сакрализации. Он вовлекается в церемонии, ритуальные действия, совершает молитвы, обряды, соблюдает посты и множество иных религиозных предписаний. Сакрализации прежде всего подвергаются нормы и правила отношения к ближнему и дальнему, семье, народу, государству и абсолюту.

Система сакрализации состоит из: а) суммы священных для данного общества идей (идеология); б) психологических приемов и средств убеждения людей в безусловной истинности этих идей; в) специфических знаковых форм воплощения святынь, сакраментальных и враждебных символов; г) особой организации (например, церкви); д) специальных практических действий, обрядов и церемоний (культ). На создание такой системы требуется много времени, она впитывает в себя прошлые и вновь возникшие традиции. Сакрализация прежде всего обеспечивается субъективными актами веры, предметом веры и религиозными авторитетами. Благодаря сакральным традициям и актуально существующей системе сакрализации общество добивается вос-

производства определенной религии во всех своих горизонтах (социальные группы, классы) и вертикалях (поколения).

Если избранный объект сакрализован, то в его реальность верят сильнее, нежели в эмпирически данные вещи. Когда говорят, что Бог свят, то имеют в виду либо святое отношение к Нему людей, либо всесовершенство Бога и Его любовь к людям; в этих же двух смыслах говорят о Святом Духе. Сакральное чувство цельно, и яд сомнения для него смертельно опасен. Между верой и неверием трудно провести четкую границу. Для верующего больше волнений доставляет не столько приверженец иной конфессии, сколько единоверец-диссидент, ревизионист, вероотступник, еретик. Возможно, это связано с боязнью верующего начать сомневаться в своей вере, как и его собрат-еретик.

Стабильность сакрализованной системы ценностей относительна, и со временем условность и обмирщение священных идеалов может усиливаться. Когда процент диссидентов и клятвопреступников внутри определенной конфессии невелик (как правило, не более пяти процентов), то в борьбе с ними религия крепнет и находит новые изощренные способы самозащиты. В этом смысле диссидентство и направленная против него «инквизиция» есть благо для религии и церкви. Когда же количество диссидентов внутри конфессии или государственной религии резко возрастает, то система сакрализации начинает давать сбои: религия может расколоться на секты, стать чем-то профанным (обыденным, земным, низким), утратить связь с душами основной массы верующих или вообще исчезнуть в своей прежней форме. В условиях, когда религия профанируется и профанное становится высшей ценностью, в обществе возникает острая тоска по сакральному.

Икона (как и храм) есть священная духовная модель Вселенной и место присутствия благодати. Лики святости в христианской иконописи подразделяются на десять видов-имен: 1) святителей, 2) преподобных, 3) мучеников, 4) бессребреников, 5) апостолов и равноапостольных, 6) воинов, 7) благоверных князей, 8) царей, 9) юродивых, 10) пророков. Лик святости понимается как явленная духовная сущность и подобие Божье. В русской классической иконе воплощаются такие культурные универсалии, как «истина», «София», «добро», «зло», «любомудрие», «красота», «долг», «спасение», «личность», «человек».

Особое место в системе сакрализации играют священная клятва и проклятие. Клятва приобщает индивида к религиозной общности, придает его жизни ощущение истинности и магически соединяет его с культовым объектом. Напротив, проклятие отсоединяет проклинаемого человека от общины, накладывает на его убеждения печать ложности и разрывает его связь с сакральной реальностью. В традиционных культах клятва всегда связана с образом божества. Так, древние греки и римляне клялись Зевсом (Юпитером) и другими богами, а христиане клянутся Богом, Иисусом Христом, девой Марией, святыми. Для религиозной публичной клятвы характерен особый ритуал, она часто сопряжена с каким-нибудь предметом (например, жертвенным животным или священной книгой) – на нем приносят клятву). Антипод сакральной клятвы – религиозное проклятие, то есть торжественное осуждение клятвопреступника, например, объявление ему в церкви «великого отлучения», анафемы. «Сакральное, божественное – это сверхчувственная природа клятвы и проклятия, – пишет С. И. Орехов. – Здесь воплощаются основные мировоззренческие установки религиозного сознания. Бог выступает и наблюдателем, и свидетелем принесения клятвы, и конечной целью, во имя которой она совершается, и той грозной силой, которая должна покарать клятвопреступника: от его имени будут предавать анафеме»¹³.

Сакральное чувство цельно, и яд сомнения для него смертельно опасен. Через священное чувство тяготения к абсолюту сакрализуется любовь человека к человеку. Подвижник IV в. авва Дорофей пояснил этот феномен следующей аналогией. «Представьте себе круг, и в центре его Бог. От окружности круга люди стремятся к Богу. Пути их жизни – это радиусы от окружности к центру. Поскольку они, идя по этим путям, приближаются к Богу, постольку они делаются ближе друг к другу в любви своей, и постольку они любят друг друга, постольку они делаются ближе к Богу»¹⁴.

Э. Дюркгейм и вслед за ним многие специалисты в области социологии религии проводили тезис о том, что религия и ее функция сакрализации имеют социальную природу, обусловлены

¹³ Орехов С. И. Клятва и проклятие как элементы религиозного культа // Отношение человека к иррациональному. Свердловск, 1989. С. 213.

¹⁴ Цит. по: Лодыженский М. В. Свет незримый. Петроград, 1915. С. 234.

коллективным бытием людей. Однако этот тезис, по-видимому, неточен. Ведь вся история монотеистических религий сопряжена с воспеванием гимнов не только Богу, но и Его великим пророкам. Эти религии в своем истоке обязаны не столько обезличенному обществу, сколько Кришне, Аврааму, Моисею, Зороастру, Гаутаме, Иисусу Христу, Мохаммаду, Бахаутле, возвестившим абсолютную волю через Гиту, Авесту, Тору, Трипитаку, Новый завет, Коран, Китаб-и-Агдас. Периоду массового распространения любой из этих религий предшествовал период одиночества их основоположников. Гонимый пророк какой-либо возникающей монотеистической религии по сути в единственном числе (либо с несколькими сподвижниками) состоял в обновляющейся связи с Богом. И лишь спустя некоторое время новая религия обретала явно социальный характер.

Ветхозаветный рассказ о Ное, тщетно пытавшемся убедить толпы грешников спастись от неминуемого потопа в ковчеге, служит яркой иллюстрацией мысли об исторической первичности героя-индивида, вступившего в прямую духовную связь с Богом, и о вторичности социального аспекта монотеизма. Индивидуальное *Я* чаще всего находится именно в «ре»-лигиозной связи с абсолютном, то есть постоянно теряет и восстанавливает эту связь. *Я* терзается сомнениями, угрызениями совести, радуется преодолению сомнений и обретению прежней веры. Например, рядовой христианин лишь внешне кажется истым верующим, в глубине же души он нередко мечется между признанием Единого Бога и Троицей, сомневается и не сомневается в непорочном зачатии Иисуса Христа, в Его телесном воскрешении после Голгофы. Сомнения развеиваются при перечитывании Нового завета и исторических свидетельств о воскрешении Сына Человеческого. Потребность в периодически повторяющемся священнодействии, в обрядах и перечитывании Писания, благодаря чему вера исцеляется, укоренена в верующем. Эта потребность внешне проявляется в кроне религиозных институтов и коллективного культа.

Сакрализация – специфическая функция религии. Если не нагружать целиком понятие сакрального социальным содержанием (как это делал Э. Дюркгейм), то оно, в своем самом широком смысле, вполне подходит для раскрытия существа всякой религии – эгоцентрической, социоцентрической и космоцентрической. Эмпирическое *я* ищет и находит священную связь с *Я*-

истинным; идеологи сакрализуют связи людей с вождем, государством, народом; индивидуальная и массовая связь с Богом сакральна. И все это – разные типы религиозного мироотношения. Широкая дефиниция, преодолевая узкие рамки социологизма, дополняет понятие *религии как социальной связи* понятиями индивидуального и внеконфессионального в отношениях человека и абсолюта. Тогда возникает возможность сравнительно просто и надежно отличить феномен религии от всех иных форм общественного духа, по-своему консолидирующих людей и придающих индивиду ощущение внутренней целостности.

За сохранение и развитие интеграционных процессов в обществе ответственна не только религия; этому способствуют мифология, философия, искусство, мораль, наука и т. д. Однако ни одна из этих форм сознания и духа не сакрализует фундаментальные ценности. Если религия не осватила миф, то миф не сакрален. Философия проблемна и живет дискуссиями до тех пор, пока какая-нибудь религия не придаст ей религиозную окраску (что было характерно, например, для русской философии – как православной, так и советской). Искусство само по себе не требует от зрителя веры в реальность воплощаемого на холсте или сцене мира, но религия может поставить себе на службу искусство, сделав его религиозным. Похоже, что именно процедура сакрализации базовых ценностей принципиально отличает религию от всех остальных форм мироотношения и институтов общества.

Дополняя подходом Дюркгейма дефиницию религии как связи человека и общества с Абсолютом, можно определить религию как поиск и установление сакральных связей, обеспечивающих индивиду и (или) социальным группам потребную целостность. Это определение позволяет достаточно просто отличить религию от всех иных форм общественного духа, тоже по-своему консолидирующих людей: процедура сакрализации базовых ценностей принципиально отличает религию от философии, искусства, мифологии, науки, морали.

Эзотеричность сакрального. Сакральное соположено с тайной, таинственностью, невыразимостью и секретностью. В этом аспекте оно раскрывается понятием эзотеризма, определяемом как нечто тайное, известное только особо посвященным, скрытое, неясное, запутанное. В философии античной Греции эзотерическим называли учение, которое передается из уст учи-

теля в уста избранных учеников. Например, пифагорейские истины, дошедшие через Платона до александрийских неопифагорейцев, имели своей целью пронизать дух и душу ученика нерационализируемой мудростью.

Эзотеризм противоположен экзотеризму – профанному, постороннему, открытому непосвященному, общепонятному и общедоступному), то есть знанию, доступному всем и имеющему публичный статус. В любом более или менее глубоком учении существуют взаимодополняющие друг друга моменты эзотеризма и экзотеризма – подобно тому как дополняют друг друга дух и буква учения, сущность и явление, ядро и скорлупа ореха. Древнегреческим философским учениям предшествовали религиозные мистерии, тайные действия; так, мисты клялись не разглашать того, что им было открыто во время элевсинских мистерий.

Эзотеризм объективно обусловлен тем, что никакая объективная сущность не может быть до конца выявлена и исчерпывающе выражена в формах образного познания; непостижимые и невыразимые аспекты сущности в лучшем случае категоризируются особыми символами. Секретная сторона бытия частично постигается мистическим вживанием в эти символы (например, в имена). Эзотеризм связан, во-первых, с запретами на разглашение секретов ремесла, науки, искусства, религии, мистической философии, а во-вторых, с запретами на обучение посторонних устной или письменной символике тайной доктрины. Низший уровень эзотеризма – тайна, воспринимаемая в молчании. Средний уровень – то, о чем запрещено говорить. Высший уровень – то, о чем трудно говорить из-за объективной невыразимости самых глубоких истин. В любом религиозном учении есть эзотерическая и экзотерическая стороны. Вместе с тем эзотеризм не обязательно носит религиозный характер. Эзотеризм сопряжен с постижением предельных сущностей бытия через такие способности духа, как вера, совесть и мистическое прозрение.